

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Иллюзия
ГРЕХА



ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 26

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Geliografic*

Маринина, Александра.

М 26 Иллюзия греха / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2014. — 448 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-73240-1

Кто-то скрытно и пристально интересуется жизнью четверых детей, искалеченных своей матерью. Одно убийство, второе, третье... И все они так или иначе связаны с этой несчастной семьей. Какая тайна скрыта в прошлом этих людей? В прошлом ли? — сомневается Настя Каменская, анализируя обстоятельства преступлений. Времени на раздумья, как всегда, нет — прямо из больницы похищена девочка, угроза нависла над остальными детьми. Где источник этой угрозы? Озарение, словно вспышка молнии, внезапно освещает ситуацию, которая оказывается гораздо страшнее, чем думала Настя...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Алексеева М. А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73240-1

Глава 1

При взгляде на эту комнату с лежащим посредине на полу трупом старой женщины почему-то возникала ассоциация с Достоевским. Убийство старухи процентщицы. Хотя убитая, по предварительным данным, ростовщицеством не занималась и ломбард на дому тоже не устраивала. Более того, обстановка в большой квартире в «сталинском» доме свидетельствовала о достатке и аристократических корнях хозяев.

Когда-то в этой квартире жил известный ученый, академик Смагорин, но было это давно. Погибшая, Екатерина Венедиктовна Анисковец, была его дочерью. Трижды за свою жизнь побывав замужем, она столько же раз меняла фамилию, но не место жительства. В этом доме она жила, пожалуй, дольше всех его обитателей. Только ее квартира была отдельной, остальные давно превратились в коммуналки с постоянно меняющимися жильцами. Одни получали или покупали новое жилье и уезжали, другие въезжали в результате разменов с родственниками или супругами. Двери квартир были утыканы разномастными кнопками звонков и карточками с фамилиями, и только дверь в квартиру Екатерины Венедиктовны имела один-единственный звонок и красивую металлическую дощечку с надписью: «Академик В. В. Смагорин».

Судебно-медицинский эксперт осматривал тело, эксперт-криминалист колдовал над поисками следов. Убийство явно тянуло на корыстное, совершенное с целью ограбления, уж очень богатой была квартира и беспорядок в ней царил ужасный. Сразу видно — здесь что-то искали.

— У погибшей есть родственники? — спросил сле-

дователь Ольшанский у соседки, приглашенной в качестве понятой.

— Не знаю, — неуверенно отозвалась молодая женщина в спортивном костюме. — Я здесь не так давно живу, всего полгода. Но мне говорили, что детей у нее нет.

— Кто в вашем доме может хоть что-нибудь рассказать про Анисковец? Кто здесь давно живет?

— Ой, не знаю, — покачала головой соседка. — Я здесь мало с кем общаюсь, я ведь только снимаю комнату. Хозяйка квартиру купила, а комнату в коммуналке сдает. Беженцы мы, — добавила она, — из Таджикистана. От нас тут все шарахаются как от чумных, будто мы заразные какие. Так что с нами не очень-то разговаривают.

Да, от соседки толку было мало. Предстоял долгий поквартирный обход, чтобы собрать хотя бы первоначальные сведения о пожилой женщине, безжалостно убитой ударом чем-то тяжелым по затылку.

* * *

С жильцами своего дома покойная Екатерина Венедиктовна действительно почти не общалась, но вообще-то приятельниц и знакомых у нее было немало. Коренная москвичка, она здесь выросла, окончила школу и университет, работала в Историческом музее. И всюду заводила друзей. Конечно, сегодня живы были уже далеко не все. Но все равно тех, кто мог бы рассказать о погибшей, было достаточно много.

В первую очередь Ольшанский велел найти тех ее знакомых, которые часто бывали у Анисковец и могли хотя бы приблизительно сказать, что именно у нее похищено. Такой человек нашелся — бывший муж Екатерины Венедиктовны Петр Васильевич Анисковец. С покойной он развелся лет пятнадцать назад, когда ей было пятьдесят девять, а ему — шестьдесят два. И все пятнадцать лет он продолжал приходить в гости к Екатерине Венедиктовне, приносил цветы и трогательные маленькие подарки.

— Вы не обидитесь, если я спрошу о причине вашего развода? — осторожно сказал следователь, очень уж необычной показалась ему сама ситуация: разводиться в таком почтенном возрасте, и не ради того, чтобы создать новую семью.

Петр Васильевич грустно посмотрел на Ольшанского.

— Дурак я был — вот и вся причина. Закрутил с молодой, думал — вот оно, настоящее, всепоглощающее, то, ради чего на смерть идут. С Катериной развелся. А когда все закончилось, Катя долго смеялась надо мной. Так, говорила, тебе и надо, дурачку самоуверенному, будет тебе урок. Она прекрасно ко мне относилась. Я потом много раз делал ей предложение, но она отказывала, дескать, смешно в таком возрасте под венец, да еще с бывшим мужем. Но ухаживания мои принимала, не гнала.

— Выходит, она вас простила? — уточнил следователь.

— Простила, — кивнул Анисковец. — Да она и не сердилась долго. Знаете, у нее чувство юмора было просто удивительное, она на любую беду умела с усмешкой посмотреть. Ни разу за все годы я не видел, чтобы Катерина плакала. Верите? Ни разу. Зато хохотала постоянно.

Вместе с Ольшанским Петр Васильевич поехал на квартиру к бывшей супруге. По дороге он несколько раз принимался сосать валидол, и было видно, что он панически боится заходить в комнату, где недавно лежала убитая. Но в последний момент он все-таки сумел собраться и, горестно вздыхая, приступил к осмотру имущества. По тому, как бегло он скользнул глазами по увешанным картинами стенам и как уверенно открывал ящики комода и дверцы шкафов, Ольшанский понял, что Петр Васильевич хорошо ориентируется в обстановке и знает, где что должно лежать.

— Кажется, все на месте, — развел руками Анисковец. — Только одна картина пропала, маленькая такая, миниатюра, но я не думаю, что ее взяли воры.

— Почему же? — насторожился Ольшанский.

— Да она дешевенькая совсем, копейки стоит. Зачем бы ее стали красть, если рядом висят бесценные полотна.

— Может быть, дело в размере, — предположил следователь. — Маленькую картину легче унести.

— Нет, вы не правы, — возразил Петр Васильевич, — взгляните — здесь много миниатюр, отец Екатерины, Венедикт Валерьевич, был к ним равнодушен, всю жизнь собирал. И все они стоят очень дорого, очень, уж вы мне поверьте. Но пропала совсем ерундовая картинка, ее Катя купила у какого-то уличного мазилы просто шутки ради.

— Что на ней было изображено?

— Цветы и бабочки, стилизованные под Дали. Такой живописи сейчас полно в Москве. Мазня, одним словом. Я думаю, Катерина просто подарила ее кому-то. Не может быть, чтобы такую дешевку кто-то украл.

— Хорошо, Петр Васильевич, насчет картины мы выясним. А что с драгоценностями?

— Все целы. Это просто поразительно, знаете ли. У Екатерины были великолепные фамильные украшения: бриллианты, изумруды, платина. Одна работа чего стоит! И ведь ничего не взяли.

Это было действительно очень странно. Почему же тогда ящики комода оказались выдвинутыми, вещи разбросаны по полу, шкафы открыты? Ведь явно же что-то искали. Но если не ценности, то что же тогда? И почему преступник не взял ценности? Их много, они все на виду, он наверняка их видел и даже трогал. Почему же не взял?

Нужно было немедленно найти еще кого-нибудь, кто смог бы осмотреть вещи Екатерины Венедиктовны. Не исключено, что ее бывший муж пропажу заметил, но по каким-то причинам это не обнародовал.

* * *

Пухлая, перехваченная аптечной резинкой записная книжка Екатерины Венедиктовны Анисковец, набитая множеством выпадающих листочков и визитных

карточек, лежала на столе перед Анастасией Каменской. Задание следователя было предельно четким: найти среди знакомых убитой человека, который мог бы дать квалифицированную консультацию по поводу имевшихся у нее ценностей. Насколько кратко было сформулировано задание, настолько длительной и кропотливой была работа по его выполнению. На установление всех лиц, поименованных в этой записной книжке, требовалось много времени и терпения. Настя старательно составляла запросы и получала ответы: «Умер...», «Номер передан другому абоненту...», «Перехал...», «Умер...», «Умер...»

На третий день ей наконец повезло. Искусствовед, знаток живописи и коллекционер антиквариата Иван Елизарович Бышов пребывал в полном здравии и проявил прекрасную осведомленность как о картинах Анисковец, так и о ее украшениях. К тому моменту, когда Настя с ним связалась, он уже знал о трагической гибели своей старинной приятельницы и беспрестанно приговаривал:

— Боже мой, Боже мой, я был уверен, что она всех нас переживет! Здоровье отменное. Ах, Катерина, Катерина!

— Вы давно знакомы с Екатериной Венедиктовной? — спросила его Настя.

— Всю жизнь, — быстро ответил Бышов. — Наши отцы дружили, и мы с Катериной практически росли вместе. Мой отец и Венедикт Валерьевич были страстными коллекционерами. А мы с Катей пошли разными путями. Я, что называется, принял коллекцию отца и продолжил его дело, а Катя не имела вкуса к коллекционированию, ее это как-то не будоражило. Впрочем, женщины вообще не склонны... Она потихоньку продавала ценности и на эти деньги жила. Пенсию-то ей крошечную положило государство, музейные работники у нас не в чести были.

— А кто наследует ее имущество?

— Государство. Катерина все завещала нескольким музеям. У нее нет родственников, которым ей хотелось бы оставить все это.

— Неужели совсем нет родственников? — не пове-
рила Настя.

— Нет, какие-то есть, конечно, — ответил Бышов
дребезжащим голосом. — Но не такие, кому можно
было бы оставить коллекцию. Пропьют, прогуляют.
Катя хоть и не имела вкуса к коллекционированию, но
ценность того, что у нее было, понимала очень хорошо.
Я имею в виду не только денежную стоимость, а цен-
ность в высшем смысле слова. Для истории, для культу-
ры. Она очень образованная была.

Родственники, обделенные наследством. Это уже
интересно. Впрочем, нет, не очень. Если бы они имели
отношение к убийству, они бы забрали ценности. Ина-
че само убийство теряет смысл. Может быть, им что-то
помешало? Убить успели, а ценности собрать и выне-
сти не смогли... Надо вцепляться мертвой хваткой в со-
седей. Ибо что в такой ситуации может помешать пре-
ступнику? Только появление на лестнице возле
квартиры каких-то людей.

— Скажите, Иван Елизарович, как было составле-
но завещание? Я имею в виду, сделано ли описание
каждой вещи, которая переходит к музею-наследнику
после смерти Анисковец?

— Я понимаю ваш вопрос, — кивнул старик кол-
лекционер. — Да, каждая вещь была описана с участием
представителей музеев и нотариата. В завещании все
четко прописано, кому что причитается. Несколько
картин Катя в завещание не включила, она собиралась
их продать и на эти деньги жить.

— И как? Продала?

— Конечно.

— Кому, не знаете?

— Как кому? Мне. Мне же и продала. Они до сих
пор у меня.

— А если бы этих денег не хватило?

— Мы говорили с ней об этом, — кивнул Бышов. —
Во-первых, картины, которые я у нее купил, стоили
очень дорого. Вы, может быть, думаете, что я, пользу-
ясь старой дружбой, скупил их у Кати по дешевке? Так
нет! Я дал за них полную стоимость, вы можете это про-

верить. Этих денег ей должно было хватить на много лет. А во-вторых, если бы деньги закончились, она внесла бы изменение в завещание, исключила из наследственной массы что-нибудь и снова продала.

— Правильно ли я вас поняла, — подвела итог Настя, — что на момент составления завещания все ценности были осмотрены специалистами, подтвердившими их подлинность?

— Совершенно верно.

— И как давно это случилось?

— Лет пять назад или шесть.

— Иван Елизарович, а Екатерина Венедиктовна боялась, что ее могут ограбить?

— Вот уж нет! — решительно заявил Бышов. — Ни одной секундочки.

— А почему?

— Характер такой, наверное, — старик улыбнулся впервые за все время, что они разговаривали. — Катя вообще ничего никогда не боялась. Считала, что от судьбы все равно не уйдешь. И потом, я уже говорил вам, она не особенно дорожила коллекцией. Умом понимала ее ценность, а душой не чувствовала. Ведь не сама она ее собирала, свой труд и свои деньги в нее не вкладывала. Конечно, дверь у нее стояла бронированная, на это я ее все-таки сподвигнул. А бриллианты свои она и не носила, говорила, что они ей не к лицу.

Теперь по крайней мере становилось понятным, что делать дальше. Брать завещание Анисковец, вызывать экспертов-искусствоведов и сравнивать ценности, описанные в завещании, с ценностями, имеющимися в квартире. А заодно и повторно устанавливать их подлинность. Потому что вор, если он имел постоянный доступ в квартиру Екатерины Венедиктовны, мог ухитриться сделать копии некоторых вещей и картин и теперь просто подменить подлинники подделкой. Тогда становится хотя бы понятным, почему Петр Васильевич никаких пропаж не обнаружил.

И первым кандидатом в подозреваемые становился сам коллекционер Бышов. Человек, имеющий постоянный доступ в квартиру и хорошо знающий храня-

щиеся в ней ценности. Вторым подозреваемым автоматически становился бывший муж Анисковец, который тоже бывал у нее частенько и тоже хорошо знал каждую картину на стенах и каждое ювелирное изделие в шкапулках. Настя чувствовала, что третий, четвертый и даже двадцать пятый подозреваемые уже на подходе. Стоит копнуть чуть поглубже — и их окажется видимо-невидимо. Такие дела она не любила больше всего. Если окажется, что часть ценностей Екатерины Венедиктовны подменили, то версия о причинах убийства останется только одна, и нужно будет искать виновных среди огромной массы подозреваемых. Это было скучно.

А если окажется, что у нее действительно ничего не пропало, тогда нужно будет придумывать совершенно новую версию, и не одну. Вот это уже было гораздо интереснее.

* * *

Она никогда не удивлялась тому, что почти не нуждается в сне. Так было с самого детства. Ира была послушным ребенком и спокойно укладывалась в постель по первому слову матери, не капризничая, но это не означает, что она тут же засыпала. Она лежала тихонько, потом незаметно погружалась в сон, а около пяти утра глаза ее открывались. При этом Ира не чувствовала себя разбитой или невыспавшейся. Просто она была так устроена.

Когда случилось несчастье, ей было четырнадцать. До шестнадцати ее продержали в интернате, после чего она начала совершенно самостоятельную жизнь. Смысл этой жизни состоял в том, чтобы заработать как можно больше денег. Деньги были нужны на лекарства и продукты для двух сестер и брата. И для матери, которую Ира ненавидела.

Ее очень выручала законодательная неразбериха, пользуясь которой можно было работать в нескольких местах одновременно. В пять утра она вскакивала и бегала подметать тротуары или сгребать снег — в зависи-

мости от сезона. В восемь мыла подъезд и лестницы в стоящей рядом шестнадцатизэтажке. В половине одиннадцатого мчалась на вещевой рынок разносить воду, горячую еду и сигареты торговцам. В пять, когда рынок закрывался, возвращалась домой, ходила в магазин, готовила еду, убирала квартиру, два раза в неделю ездила в больницу к младшим, раз в месяц — к матери. Вечером, с десяти до двенадцати, мыла полы и выполняла прочую грязную работу в расположенном поблизости ресторанчике. Она не спрашивала себя, сколько это может продлиться. На сколько сил хватит. Просто жила так, потому что другого выхода не было. Врачи сказали, что Наташе и Олечке помочь уже нельзя, а маленькому Павлику — можно, только для этого нужны очень большие деньги, потому что надо делать несколько операций, а они дорогие. О том, можно ли помочь матери, она даже и не задумывалась. Она рано поняла, что задумываться вредно. Несколько лет назад услышала по телевизору, что известный молодой киноактер тяжело болен и для его лечения нужны деньги. С экрана телевизора обращались к гражданам и спонсорам: помогите, дайте кто сколько может, расчетный счет такой-то... А актер умер. Ира всего один раз подумала о том, что если уж у киноактера и его друзей денег на лечение не хватило, то куда ей одной, нечего и пытаться собрать средства на лечение Павлика. Но этого единственного раза оказалось достаточно, чтобы она сказала себе раз и навсегда: «Нечего задумываться. Надо дело делать и двигаться вперед. Нельзя останавливаться, нельзя расхолаживаться, иначе никогда ничего не получится».

Ей было семнадцать, когда она вполне самостоятельно дошла до великой шекспировской фразы: «Так трусами нас делает раздумье, и так решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледной...»

Сейчас ей было двадцать. И она двигалась к своей цели, как автомат с бесконечным запасом прочности.

Встав с постели, когда еще не было пяти часов, Ира на цыпочках, чтобы не потревожить квартирантов, вышла на кухню поставить чайник. Когда-то в этой квартире жила ее большая семья: мать, отец, трое млад-

ших и она сама. Теперь Ира осталась одна и с прошлого года, преодолев сомнения и страхи, стала сдавать две комнаты, оставив себе третью, самую маленькую. Пока все, слава Богу, обходилось, хотя эксцессы, конечно, бывали. Но постоять за себя Ира Терехина умела, два года в интернате многому ее научили.

На кухне царил грязь — опять Шамиль приводил гостей и опять не убрал за собой. Конечно, Ира никакой работы не боялась и, сдавая квартиру, предупредила Шамиля: если будете сами за собой мыть и убирать, цена такая-то, а если мне за вами убирать придется — то выше. Жилец согласился платить больше, но ведь нельзя же такой свинарник разводить! Совесть какая-то должна быть у человека или нет? Впрочем, кавардак на кухне Ира видела почти каждый день и готова была честно отрабатывать повышенную плату за комнату. Только вот перед вторым жильцом неудобно — тихий скромный дядечка, приятный такой, не шумит, гостей почти никогда не приводит, а если и приводит, то они сидят тихонько у него в комнате, разговаривают. Он даже посуду у Иры не берет, привез свою и сам ее моет и убирает. Вообще он аккуратный, за ним и уборки-то никакой не нужно, хотя платит, как и Шамиль.

Хорошо, что Шамиль сегодня живет у нее последний день. Вечером уедет, говорит, что на родину, вроде в Москве все дела уже переделал. А следующий кандидат в жильцы уже тут как тут, его неделю назад Шамиль же и привел. Парень Ире не понравился, но это ничего не означало. Ей и Шамиль не нравился, и Муса, который жил до Шамиля. Однако ничего, жива осталась, и имущество цело, и квартиру не спалили. А деньги они платят хорошие и без обмана. Надо только к дяде Владу сбежать, на всякий случай, для общей безопасности.

Быстренько умывшись, Ира выпила чай с куском черного хлеба, намазанного дешевым бутербродным маргарином, натянула старые тренировочные штаны и майку с длинными рукавами и отправилась убирать улицу. Открыв дверь дворничкой кладовки, где хранились метлы, лопаты и скребки, она увидела, что ее

метлы нет. Именно ее метлы, которую она любовно подбирала себе по росту и долго шлифовала черенок, придавая ему форму, удобную для ее маленьких рук.

— Вот суки, — злобно прошипела Ира. — Суки паршивые. Даже метлу сперли. Узнаю, кто это сделал, глаза выколю.

Конечно, это были происки Таньки-паразитки. В этом Ира несколько не сомневалась. Ну ничего, она с ней еще разберется. Горючими слезами Танька умоется. И хахаль ее вместе с ней. Хотят дармовую квартиру получить, нанялись дворниками, а сами не убирают ни черта. Приходят раз в три дня, полтора раза метлой махнут — и бегом домой. А участок так и стоит неубранный. Ира попросила, чтобы участок закрепили за ней и дали ей вторую ставку, она может и в четыре утра на работу выходить и успеет убраться на обоих участках. Все лучше, чем насильно посылать других дворников доделывать Танькину работу. Но если бы сделали так, как предлагала Ира, то Таньку-паразитку пришлось бы увольнять и с квартиры гнать. Все были с таким решением согласны, кроме, разумеется, самой Таньки. Ее хахаль подослал своих дружков — бугаев с наглыми мордами и резиновыми дубинками, и они быстро объяснили дворницкому начальству, что к чему и почему Таньку нельзя с квартиры гнать. Начальники Таньку оставили в покое, закрыв на все глаза, а Ире до ихних политесов дела нет, она каждый раз как встретит эту оторву, так обязательно ей в глаза говорит все, что думает о ней. Танька, тридцатилетняя деваха с испитой рожей, вся золотыми цепями обвешанная, тоже в долгу не остается. Воют они, короче говоря. Вот метлу теперь сперла, сука...

Убрав улицу и вымыв лестницу в шестнадцатизэтажке, Ира прибежала домой принять душ и переодеться. Заодно и позвонить решила.

— Дядя Владик, это Ира, здравствуйте, — выпалила она на одном дыхании, словно взятый на рассвете темп работы распространялся и на разговоры.

— Привет, — отозвался Владислав Николаевич. — Как дела?